

ОСТРОВСКИЙ

на двух сценах

24 ИЮН 1956

ВОЛЖСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

г. Куйбышев

Отмечая 70-летие со дня смерти А. И. Островского, два — куйбышевских театра — драматический и юного зрителя — вновь обратились к творчеству великого русского драматурга. Драматический театр поставил «Позднюю любовь», ТЮЗ — «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

С большим интересом ждал куйбышевский зритель результатов новых работ театральных коллективов. Как же оправдались его надежды и ожидания?

1. «Поздняя любовь»

Каждый творческий коллектив имеет право прочесть автора по-своему. Но обязательно в сторону более глубокого раскрытия выведенных драматургом человеческих характеров в их движении, борьбе, конфликтах и столкновениях. Куйбышевскому драматическому театру не удалось сделать этого. Два основных образа спектакля: дочь Маргаритова — Людмила (артистка Т. Ветко) и молодой адвокат Николай Шаблов (заслуженный артист Баш. АССР Г. Хапланов) на сцене оказались обедненными.

Случилось так потому, что создатель ряда интересных работ заслуженный деятель искусств РСФСР и Татарской АССР, главный режиссер театра Е. Простов допустил явную ошибку, сняв с первого плана спектакля линию, не случайно положенную

драматургом в основу названия пьесы.

Людмила — один из любимых образов Островского, составляющих галерею «горячих сердец». Эти люди замечательны тем, что они верят в жизнь, страстно мечтают о лучшем будущем, умеют видеть в человеческих душах хорошее и чистое, иногда даже скрытое под накипью и наростами.

Когда смотришь первое действие, то скупость приемов Т. Ветко, некоторая холодность ее даже подкупают. Кажется, что это затишье перед грозой. Зритель настороженно ждет, что вот-вот лед тронется и хлынет сильный стремительный поток красивого большого чувства, который должен вынести к солнцу попавшего на дно жизни человека.

Но ожидания не оправдываются. Лед не трогается, гроза не разражается, актриса до закрытия занавеса ведет себя до поразительности уравновешенно. Это не та внутренняя сдержанность, идущая от характера, за которым ощущается большой накал чувств, горение души. Это признак того, что образ Людмилы Ветко по-настоящему не расшифровала.

Любовь своей героини она выписывает однообразной, скучной краской. Безрадостна, тяжелая, обременительна эта любовь.

А ведь ту Людмилу, которую мыслил Островский, никак нельзя играть в серых тонах. Это нарушение художественной правды.

Теперь об игре Г. Хапланова. Он не дал движения души в образе своего героя, не показал его эволюции. Почти до самого финала Николай Шаблов остается для зрителя циником и пропойцей, не проявляющим никаких проблесков живого чувства, неюжинности ума и воли. И зритель, даже желая того, не верит в его достоинства, которые по замыслу автора вызывают самоотверженную и глубокую любовь Людмилы.

А ведь талантливый опытный актер Г. Хапланов легко мог разобраться, что Николай у Островского не просто циник и грязный пьяница.

Пьянство, фанфаронство — все это у него не свое, а наносное, навязанное ему средой, в которой он вращается. Артист не показал ярко перелома, произошедшего с Николаем, узнавшим о жертве Людмилы. Тем самым образ Николая остался нераскрытым до конца.

Роль Фелицаты Антоновны исполняла артистка Л. Сергеева. Ей не удалось привнести ничего своего, оригинального. Это какая-то смесь Улиты из «Леса» и Мигачевой из «Не было ни гроша, да вдруг алтын».

Устаревшим, привычным штампом прошелся по роли купца Дороднова и артист И. Захаров, не внеся в его образ ни одной специфической находки, ни одного яркого штриха.

Но было бы неверным подчеркивать весь спектакль.

Как всегда одухотворенной и красивой жизнью жил на сцене заслуженный артист РСФСР В. Михайлов.

Образ Маргаритова Михайлов осветил трогательной и беззаветной любовью к дочери, которая стала его единственным сокровищем, надеждой и счастьем. Особенно выразительно актер проводит финальную сцену, где он, вне себя от горя, узнав о любви Людмилы к Николаю, сначала отталкивает ее от себя, а

потом тут же протягивает к ней руки.

Заслуженная артистка РСФСР З. Чекмасова с тонкой, разоблачающей иронией отнеслась к своей героине и вылепила колоритный и живой образ предстательницы «мещан во дворянстве», которым при их «черноземных» понятиях все же удалось усвоить кое-что из манер светских дам.

Снова имел успех у зрителя мастер выразительного жеста, характерного движения и своеобразного разговора заслуженный артист Татарской АССР И. Спиридонов. Он хорошо раскрыл внутренний мир недавнего, но честного и добросердечного Дормидонта Шаблова.

Высокой похвалы достойно художественное оформление спектакля, в котором заслуженный деятель искусств РСФСР Ю. Бабичев вложил много души и понимания бытовых особенностей мелкобуржуазного мирка, изображенного Островским.

Но эти отдельные удачи все-таки не поднимают спектакль до того уровня, на котором обычно шли в драматическом театре пьесы Островского. «Позднюю любовь» шагом вперед на Куйбышевской профессиональной сцене назвать нельзя.

(Продолжение см. на 4-й стр.)

ОСТРОВСКИЙ на двух сценах

(Окончание. Начало см. на 3-й стр.).

2. „Не было ни гроша, да вдруг алтын“

Полная драматических неожиданностей, комичная по положением и диалогам, освещенная остро критическим взглядом автора на жизнь темного царства, эта комедия — одно из популярнейших драматических произведений А. Островского. В руках умелого актера каждый образ этой пьесы будет колоритной и живой фигурой, надолго остающейся в памяти зрителя. Все герои комедии: скряга Крутицкий, лстявая мещанин Мигачева, дородная Фетинья, простоватый с виду Елеса, укрыватель краденого, купец Епишкин выписаны драматургом с подлинным художественным блеском. Каждый имеет свою манеру поведения, свой характер, язык.

М. Островидов показал себя в этом спектакле вдумчивым и своеобразным режиссером, знатоком творческого наследия великого драматурга. Остро поставленные мизансцены, точно найденные детали быта, обстановки служат одной цели — глубокому, полному раскрытию темы и идеи пьесы.

Это не значит, что перед творческим коллективом ТЮЗ'а не было трудностей в работе над спектаклем.

У режиссера и актеров была опасность подать образы унижаемых и оскорбляемых героев в слезливо сентиментальных тонах, что, кстати, и попыталась сделать артистка Л. Иванова (Анна Тихоновна). Это могло вызвать появление на сцене какого-то подобия положительных типов. И если бы актриса Л. Вдовенко последовала примеру Ивановой, спектакль мог бы пойти по ложному руслу. К счастью, и режиссер, и Л. Вдовенко сумели очень правильно понять и общую мысль драматурга, с которой он выпустил в свет свое произведение, и сущность образа Насти. «Не было ни гроша, да вдруг алтын» — пьеса без положительного героя. Здесь нет сильных, борющихся личностей, а есть волки и овцы.

Анна и Настя — жертвы темного царства, но они не поднимаются выше болотистой почвы этого царства. Анна пригнана и пришиблена жизнью до такой степени, что даже продажу Насти в купеческие содержанки считает

выходом из положения. О Насте следует говорить особо. Л. Вдовенко хорошо усвоила противоречивые черты характера своей героини. Ее Настя привлекает своей молодостью и милой непосредственностью. Но, собственно, этим и исчерпываются все достоинства героини. Она уже искалечена воспитанием в барском доме. Кругозор ее ничуть не шире кругозора Елеси, мечты не идут дальше желания иметь собственную квартирку и собственный самовар, за которым можно было бы принимать любимого человека. Это не Катерина из «Грозы». Позор содержанки купца для нее предпочтительнее «позора» дырявого платка.

Большая удача выпала в спектакле на долю артиста А. Васильева. Выступающий вперед подборонок, глаза маньяка, подрагивающие при упоминании денег крылья хищного носа, дрожащие цепкие руки... Этот внешний облик русского Шейлока-Крутицкого удивительно органично слит с его мерзким, скверным и алчным внутренним миром. Настолько органично, что зритель почти осязаемо представляет себе даже действия Крутицкого, которые он совершает за сценой — и каким образом он записывает деньги в шинель, и как жалуется на епишкинских жуликов в полицию.

Блеснул перед нами искусством перевоплощения актер Г. Гребенкин. Только что мы видели его в роли карьериста и сибарита Фаразана («Первая весна»), негодяя Блохина («Чистые руки»), а теперь перед нами диаметрально противоположная роль — мещанский недоросль Елеса, сочетающий в себе великую простоту с первобытной хитростью.

И совсем не удалось такое перевоплощение артисту Е. Голоскову. Мы помним, как чудесно сыграл он роль Володи Воронина в «Чистых руках». А вот здесь он вжиться в образ не мог, истолковал его очень нечетко, рыхло. Баклушин, этот «шалопай совершеннейший», у него не получился. Не хватило Голоскову подвижности, легкости, франговатого щегольства, которое должно быть свойственно этому легковес-

ному эгоисту, не способному на большое и сильное чувство.

Трудно отыскать недостатки в игре актеров А. Красовской (Мигачева), Н. Цибина (Епишкин), З. Гордеевой (Фетинья), но вот М. Осиповой, очень неплохо исполнившей роль дебелой и глупой купеческой дочери — Ларисы, замечание сделать надо. Смех, который она вызывает у зрителя, часто имеет не столько осуждающий, сколько добродушно-развлекательный тон.

В артистической практике не нова истина о том, что любую маленькую роль можно сделать предметом художественной ценности, если к ней подойти действительно творчески. Об этом стоит вспомнить заслуженному артисту Даг. АССР А. Рено (Петрович) и Л. Букину (квартирный Лютов), которые играли вяло, бесцветно и, конечно, ниже своих возможностей. Как видите, творческому коллективу театра не все удалось в работе над пьесой. Но при всех недостатках, которые присущи спектаклю, надо все же сказать, что на этот раз тюзовцам удалось понять и передать на сцене дух Островского лучше, чем их товарищам из драматического театра.

А. ВЯТСКИЙ